

6/21

ПРЕПРИНТЫ

Н. В. Мкртчян
Ю. Ф. Флоринская

**ЖЕНЩИНЫ – ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ
В РОССИИ: РОССИЯНКИ И УРОЖЕНКИ
ДРУГИХ СТРАН**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
(РАНХиГС)

**ЖЕНЩИНЫ – ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ:
РОССИЯНКИ И УРОЖЕНКИ ДРУГИХ СТРАН**

Н. В. Мкртчян, ведущий научный сотрудник ИНСАП РАНХиГС,
канд. геогр. наук

Ю. Ф. Флоринская, ведущий научный сотрудник ИНСАП РАНХиГС,
канд. геогр. наук

Москва 2021

Аннотация

Работа посвящена статистическим оценкам женской иностранной трудовой миграции в Россию и трудовой миграции женщин-россиянок внутри России. Впервые даются количественные оценки внутренней и внешней трудовой миграции женщин, анализируется возрастной состав женской миграции в сравнении с трудовой миграцией мужчин. Для иностранных мигрантов-женщин проведено ранжирование основных стран – доноров трудовой миграции в Россию; для внутренней трудовой миграции выделены регионы – лидеры по занятости трудовых мигрантов-женщин, а также основные регионы – доноры женской трудовой миграции. Данные по внутренней трудовой миграции позволяют также оценить отраслевую занятость женщин-мигрантов в сравнении с занятым населением и мужчинами-мигрантами и выделить некоторые социально-демографические характеристики данной группы населения. Для анализа использованы данные Росстата и МВД России. Численность внешних трудовых мигрантов-женщин оценивается примерно в 1 млн человек, численность внутренних трудовых мигрантов-женщин – менее 300 тыс. ежегодно. Женщины – иностранные мигранты – старше трудовых мигрантов-мужчин, в отличие от внутренних трудовых мигрантов, где женщины, наоборот, моложе мужчин. Основные страны – доноры женской трудовой миграции – страны СНГ, при этом доля женщин в потоках из лидирующих по трудовой миграции в Россию стран Средней Азии (Узбекистана и Таджикистана) не превышает 12–13%. Основными источниками внутренней трудовой миграции женщин являются такие регионы, как Республика Калмыкия (безусловный лидер по интенсивности такой миграции), республики Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Кабардино-Балкария, далее – регионы Центральной России. Практически не выезжают женщины – трудовые мигранты из регионов Дальнего Востока и Севера, а также из Москвы и Санкт-Петербурга. Женщины – внутренние трудовые мигранты работают во всех регионах России, с явно большим тяготением к крупнейшим агломерациям, чем внутренние трудовые мигранты-мужчины.

Ключевые слова: международная миграция, внутренняя миграция, женская миграция, рынок труда, домохозяйство.

Классификация JEL: J61, R23.

Abstract

This paper focuses on statistical estimates of female foreign labor migration to Russia and labor migration of Russian women within Russia. This is the first-time women's internal and external labor migration is assessed in quantitative terms and the age composition of female migration is analyzed in comparison with the male labor migration. The main donor countries of labor migration to Russia for foreign female migrants were ranked; for domestic labor migration, the leading regions for employment of female labor migrants were identified, as well as the main regions that are donors of female labor migration. Data on internal labor migration also allows us to assess the sectoral employment of female migrants in comparison with the employed population and male migrants, and to highlight some social and demographic characteristics of this population group. The analysis is based on data from Rosstat and the Russian Ministry of Internal Affairs. The number of external female labor migrants is estimated at about one million, while the number of internal female labor migrants is less than 300 thousand annually. Female foreign migrants are older than male labor migrants, in contrast to domestic labor migrants, where women, on the contrary, are younger than men. The main donor countries for female labor migration are countries of the CIS, while the share of women in migration from the Central Asian countries (Uzbekistan and Tajikistan, which are the top donor countries in terms of labor migration to Russia) does not exceed 12–13%. The main sources of internal female labor migration are such regions as the Republic of Kalmykia (the absolute leader in terms of the intensity of such migration), the republics of Mari El, Mordovia, Chuvashia, Kabardino-Balkaria, followed by the regions of Central Russia. Regions of the Far East and the North, as well as Moscow and St. Petersburg, have little to no outgoing female labor migration. Female internal labor migrants work in all regions of Russia, with a clearly greater gravitation toward the largest urban agglomerations than male internal labor migrants.

Keywords: international migration, internal migration, female migration, labor market, households.

Коды JEL Classification: J61, R23.

Содержание

Введение.....	6
1. Женщины – международные трудовые мигранты в Россию: численность и возрастной состав	8
2. Трудовая миграция женщин в Россию: основные посылающие страны.....	13
3. Объемы и социально-демографические характеристики внутренней трудовой миграции женщин.....	15
4. Пространственные особенности внутренней женской трудовой миграции	21
5. Сферы занятости, занятия и профессиональный состав женщин – внутренних трудовых мигрантов	24
Заключение.....	28
Список использованных источников.....	30

Сокращения

ИНСАП РАНХиГС – Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

МОТ – Международная организация труда

Росстат – Федеральная служба государственной статистики

ГУВМ МВД России – Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел России

ЦБДУИГ – Центральный банк данных учета иностранных граждан

РНР – разрешения на работу

ОРС – Обследование рабочей силы

Введение

Феминизация миграционных потоков, то есть увеличение доли женщин в общем количестве мигрантов, оценивается специалистами как характерная черта новейшего этапа развития трудовой миграции в мире [1]. В первую очередь феминизация миграции вызвана структурными изменениями в мировой экономике, сопровождающимися глобализационными процессами: относительное снижение в послевоенный период производственно ориентированного сектора мировой экономики и рост сервисно ориентированного комплекса, в широком смысле именуемого экономикой услуг (service economy) [2, 3]. Все большее доминирование сферы услуг в структуре занятости формирует постоянно растущую потребность развитых стран в женщинах-мигрантах, занятых в сфере сервиса [4].

Актуальное участие женщин в трудовой миграции в мире оценивается МОТ примерно в 68 млн человек, или около 42% от всех международных трудовых мигрантов [5]. В России первые масштабные попытки оценить долю женщин в международной трудовой миграции, а также сферы их занятости и положение на рынке труда были сделаны в начале XXI в. коллективом исследователей под руководством Е. Тюрюкановой [6]. Однако до сих пор представление об объемах участия женщин в трудовой миграции в Россию, странах – донорах такой миграции и т. д. является весьма приблизительным. Это связано во многом с особенностями занятости женщин, нередко работающих в наиболее дискриминируемых, неформальных и теневых сегментах рынка труда, в том числе в частных домохозяйствах [7]. Однако немаловажную роль в недостатке информации о женщинах – международных мигрантах играет также отсутствие подробной официальной статистической информации по половозрастной структуре международной трудовой миграции в целом, за исключением ежегодно публикуемых Росстатом данных о числе действительных на конец каждого года документов для работы в России по возрастным группам и по полу [например, 8]. Также в публичном дискурсе отсутствуют и подробные оценки внутренней трудовой миграции женщин в России, такие как численности потока, возрастной структуры, сфер занятости, регионов-доноров и реципиентов.

В данной работе мы впервые совместно рассматриваем актуальные данные по трудовой миграции женщин в Россию (международная миграция) и женщин внутри России (внутренняя трудовая миграция). Оценки международной трудовой миграции

сделаны на основе полученных по запросу данных ГУВМ МВД России (ЦБДУИГ), а внутренней трудовой миграции – с помощью полученных также по запросу данных Обследований рабочей силы, проводимых Росстатом.

1. Женщины – международные трудовые мигранты в Россию: численность и возрастной состав

Наиболее достоверные статистические оценки международной трудовой миграции в Россию основываются на показателе состоящих на миграционном учете мигрантов, которые при въезде в РФ на границе, заполняя миграционную карту, указали цель въезда «работа по найму»¹. Эти данные разрабатываются и публикуются МВД РФ ежеквартально (по странам и регионам, но без деления по полу и возрасту). Опираясь на эти данные, мы оцениваем присутствие трудовых мигрантов в России до начала пандемии в среднем за год примерно в 4 млн человек, официально заявивших о себе при въезде как трудовых мигрантах. Еще около 0,5 млн можно добавить за счет тех, кто въехал в Россию с другой целью, однако работает в «теневом» секторе [9]. В пандемию по причине закрытия границ трудовая миграция заметно сократилась. Так, на 1 июля 2021 г. в РФ пребывало 3,2 млн трудовых мигрантов, в то время как в 2019 г. на эту же дату – на 1 млн больше.

По данным ЦБДУИГ, разрабатываемым МВД², в последние 3 года до начала пандемии численность женщин – трудовых мигрантов ежегодно превышала 800 тыс. человек (таблица 1), что составляло пятую часть от всех трудовых мигрантов в России. С учетом распространенной занятости женщин в «теневых» секторах (о чем говорилось выше) и, соответственно, отсутствием необходимости заявлять о себе при въезде как трудовой мигрантке, реальная численность иностранных женщин, работающих в России, может быть выше – около одного миллиона человек ежегодно или чуть более.

¹ С 21 июля 2014 г., согласно Федеральному закону №230-ФЗ, указание цели «работа по найму» в миграционной карте стало обязательным для въезжающих в Россию трудовых мигрантов (в противном случае они не смогут оформить разрешительные документы для работы).

² Данные получены по запросу.

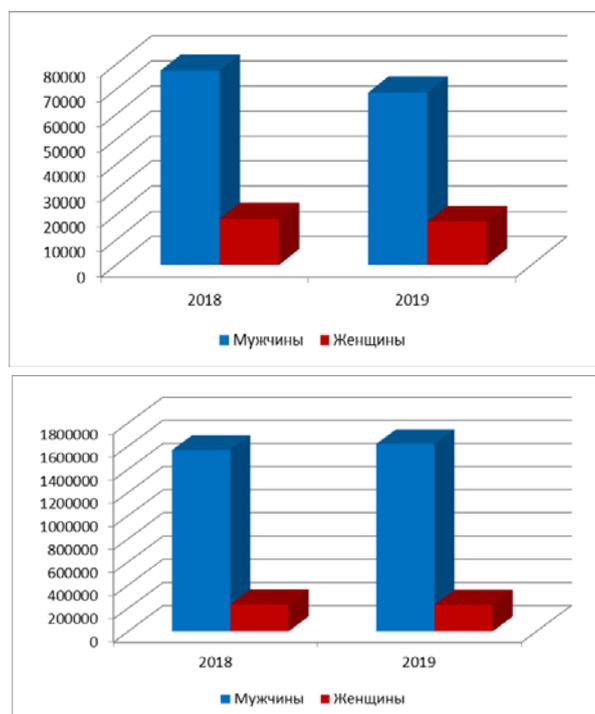
Таблица 1

Поставленные на миграционный учет с целью «работа по найму», 2015–2019 гг., мужчины и женщины, человек и %

		Мужчины	Женщины
2019	Количество человек	3 436 403	809 825
	%	80,9	19,1
2018	Количество человек	3393499	820324
	%	80,5	19,5
2017	Количество человек	3441293	849394
	%	80,2	19,8
2016	Количество человек	3296929	849425
	%	79,5	20,5
2015	Количество человек	3273566	876203
	%	78,9	21,1

Источник: данные МВД РФ, ЦБДУИГ

Дополнительным источником информации о численности трудовых мигрантов, в том числе соотношении женщин и мужчин, может служить статистика выданных миграционными органами разрешительных документов для работы в РФ – разрешений на работу и патентов (рис. 1). Согласно этим данным, среди работающих по патентам доля женщин заметно ниже, чем среди работающих по РНР: 12–13% и 19–20%, соответственно.

Источник: данные МВД РФ, ЦБДУИГ.

Рис. 1. Разрешения на работу (слева) и патенты (справа), выданные в 2018 и 2019 гг., мужчины и женщины

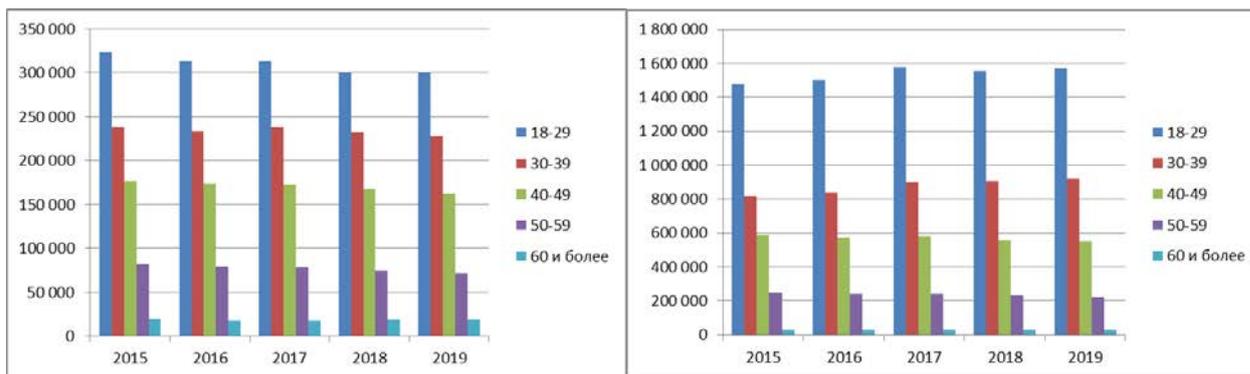
Однако отметим, что не все категории трудовых мигрантов, работающие в России, должны получать разрешительные документы для легального выхода на рынок труда. Так, без таких документов работают все выходцы из стран – членов ЕАЭС: Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии (таких мигрантов в России не меньше 1 млн человек). Именно поэтому мы считаем, что для определения доли женщин, работающих в России в качестве иностранных трудовых мигрантов, правильнее ориентироваться все же на данные миграционного учета, приведенные выше в таблице 1.

Наиболее многочисленной группой работающих в России иностранных мигрантов является самая молодая возрастная группа – 18–29 лет. Согласно данным Росстата, ее доля на конец 2020 г., судя по действительным документам для работы – РНР и патентам, – превышала 40%; при этом среди мужчин доля этой группы составила 43%, а среди женщин – 22%. Второй по представленности на рынке труда в России среди работающих по РНР и патентам была возрастная группа 30–39 лет, ее доля составила 31% среди работников обоего пола, при этом 30% – среди мужчин, 35% – среди женщин. Пятая часть работающих приходится на группу 40–49 лет, однако среди женщин ее доля все еще высока – 30%, в то время как среди мужчин – всего 18% [8].

По данным МВД РФ, судя по сумме выданных в целом за 2018–2019 гг. патентов и РНР по полу и возрасту³, наиболее многочисленной группой также являлась группа самых молодых работников, однако на мужчин этой возрастной категории (18–29 лет) приходилось 49–51% от всех мужчин, получивших разрешительные документы, а на женщин – 32–33%. На группу 30–39 лет пришлось 28% мужчин и 33–34% женщин; на группу 40–49 лет – 17% мужчин и 25% женщин. Таким образом, в категории работающих по разрешительным документам женщины – трудовые мигранты заметно старше работников-мужчин.

Данные миграционного учета, полученные в МВД, также дают нам возможность проанализировать возрастной состав трудовых мигрантов обоих полов (рис. 2).

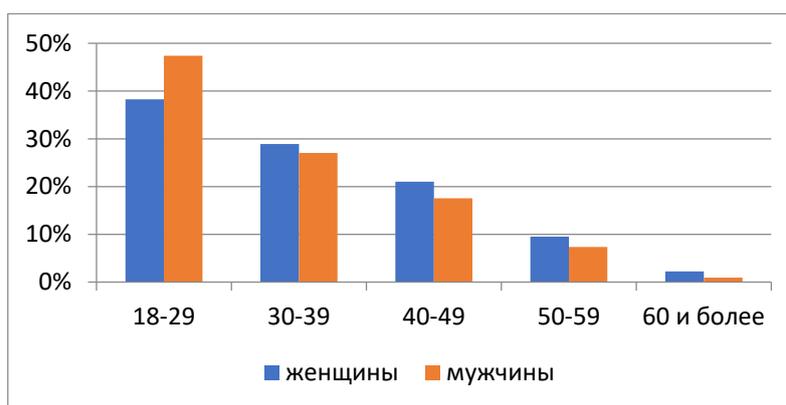
³ Данные получены по запросу.

Источник: данные МВД РФ, ЦБДУИГ.

Рис. 2. Распределение трудовых мигрантов по возрастным группам (число поставленных на миграционный учет с целью «работа по найму»), 2015–2019 гг., мужчины (справа) и женщины (слева), человек

Очевидно, что преобладающей группой и у мужчин, и у женщин является группа самых молодых – 18–29 лет, и чем старше возрастная группа, тем ее доля в трудовой миграции меньше. При этом такое распределение характерно для мигрантов обоего пола (в отличие от приводимых выше данных по полученным разрешительным документам). Однако даже и по этим данным видно, что женщины – трудовые мигранты старше иностранных работников-мужчин: разрыв между самой молодой возрастной группой и двумя следующими у женщин заметно меньше, чем у мужчин. Если взять усредненные данные за 5 лет, то доля возрастной группы 20–29 лет составит у мужчин 47%, у женщин – 38%; доля возрастной группы 30–39 лет – 27% и 29%; а доля группы 40–49 лет – 18% и 21% (рис. 3).

Источник: данные МВД РФ, ЦБДУИГ.

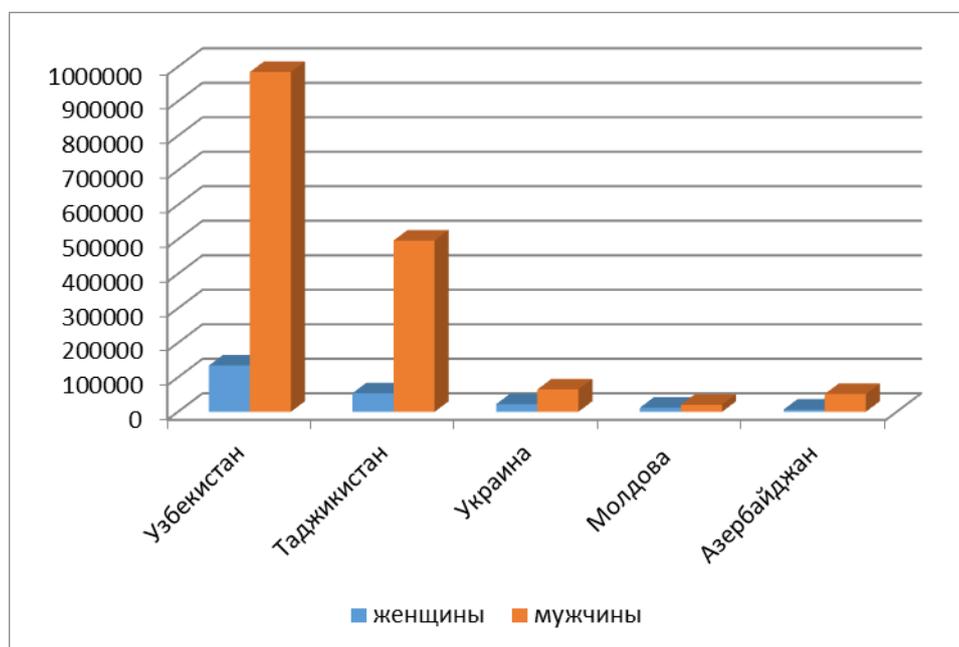
Рис. 3. Распределение трудовых мигрантов по возрастным группам на основе числа поставленных на миграционный учет с целью «работа по найму», в среднем за 2015–2019 гг., мужчины и женщины, %

Полученные данные также показывают, что, вероятно, женщины – трудовые мигранты из стран ЕАЭС моложе, чем женщины, работающие по патентам и РНР. Приведенные на рис. 3 данные по миграционному учету показывают, что включение в анализ иностранных трудовых мигрантов всех категорий (как получающих разрешительные документы для работы, так и нет) мало влияет на возрастное распределение работников-мужчин, но заметно меняет доли возрастных групп у женщин (в пользу самой молодой).

2. Трудовая миграция женщин в Россию: основные посылающие страны

В зависимости от выбора данных для анализа набор основных посылающих мигрантов стран будет отличаться. Так, разрешения на работу получают трудовые мигранты из стран дальнего зарубежья, их количество в последние годы невелико (около 100–150 тыс. человек). Наиболее заметна женская трудовая миграция из таких стран, как Китай (7,8 тыс. получивших РНР (кроме ВКС) в 2019 г.), Вьетнам (5,4 тыс.) и Таиланд (1,6 тыс.). В трудовой миграции мужчин по РНР (без ВКС) лидируют Китай (35,8 тыс. в 2019 г.), Вьетнам (9,0 тыс.) и Турция (7,7 тыс.).

Значительно больше поток тех трудовых мигрантов, которым для работы в России требуется получать патент. Такой порядок выхода на рынок труда предусмотрен только для мигрантов из стран СНГ, за исключением стран – членов ЕАЭС. Лидеры трудовой миграции по патентам и у женщин, и у мужчин одинаковы: Узбекистан, Таджикистан, Украина. Отличаются только две последние позиции: у женщин больше миграция из Молдовы, а у мужчин – из Азербайджана (рис. 4). В 2018–2019 гг. (в среднем за год) около 230 тыс. женщин – трудовых мигрантов из пяти перечисленных стран получили патенты для работы в России; мужчин при этом было около 1,6 млн.

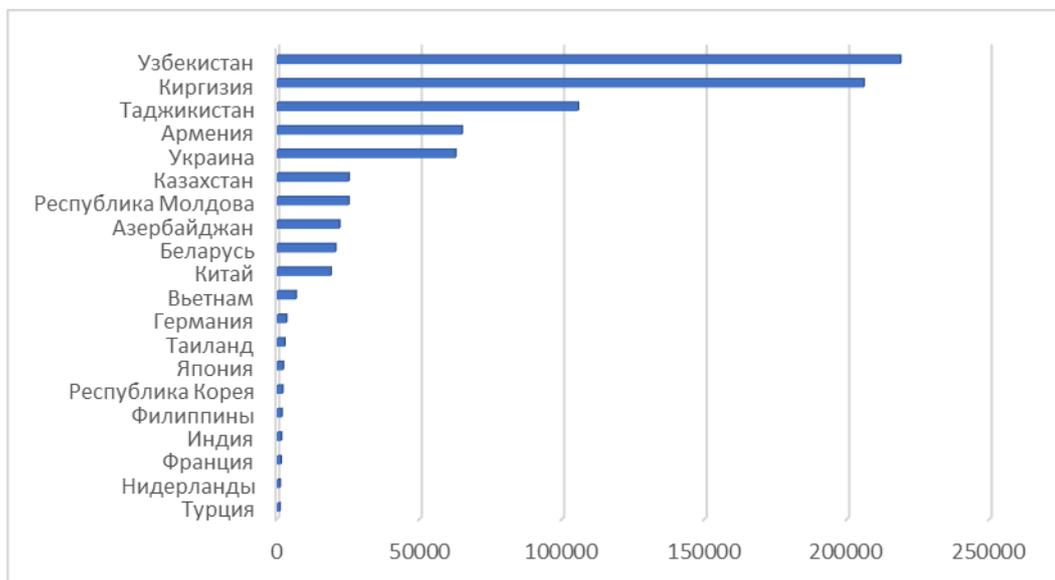
Источник: данные МВД РФ, ЦБДУИГ.

Рис. 4. Трудовые мигранты-мужчины и женщины, получившие патенты для работы в РФ, 2019 г., по странам, человек

Трудовые мигранты-мужчины из двух стран Средней Азии – Узбекистана и Таджикистана – получили в 2019 г. 92% всех патентов; трудовые мигранты-женщины из этих стран – 82%; одновременно на долю мигрантов с территории Украины и из Молдовы пришлось 5% патентов, полученных мужчинами-мигрантами и 15% – женщинами.

Как уже говорилось выше, используя показатель числа поставленных на миграционный учет с целью «работа по найму», можно учесть всех трудовых мигрантов, как получающих, так и не получающих документы для работы в России. По этому показателю за 2019 г. в лидерах трудовой миграции женщин – исключительно страны СНГ (на их долю приходится больше 90% всех поставленных за год на миграционный учет женщин – трудовых мигрантов) (рис. 5).

Стоит отметить, что в половине посылающих мигрантов стран – лидеров списка доля женщин в потоках трудовой миграции невелика. Наиболее заметна она в потоке из Киргизии – 35% от всех мигрантов, поставленных за 2019 г. на миграционный учет с целью «работа по найму», Армении – 26%, Украины – 31%, Казахстана – 26% и Молдовы – 38%. В то же время в миграции из Узбекистана и Таджикистана доля женщин не превышает 12–13%.

Источник: данные МВД РФ, ЦБДУИГ.

Рис. 5. Топ-20 стран, лидирующих в России по численности женщин, поставленных на миграционный учет с целью «работа по найму», 2019 г., человек

3. Объемы и социально-демографические характеристики внутренней трудовой миграции женщин

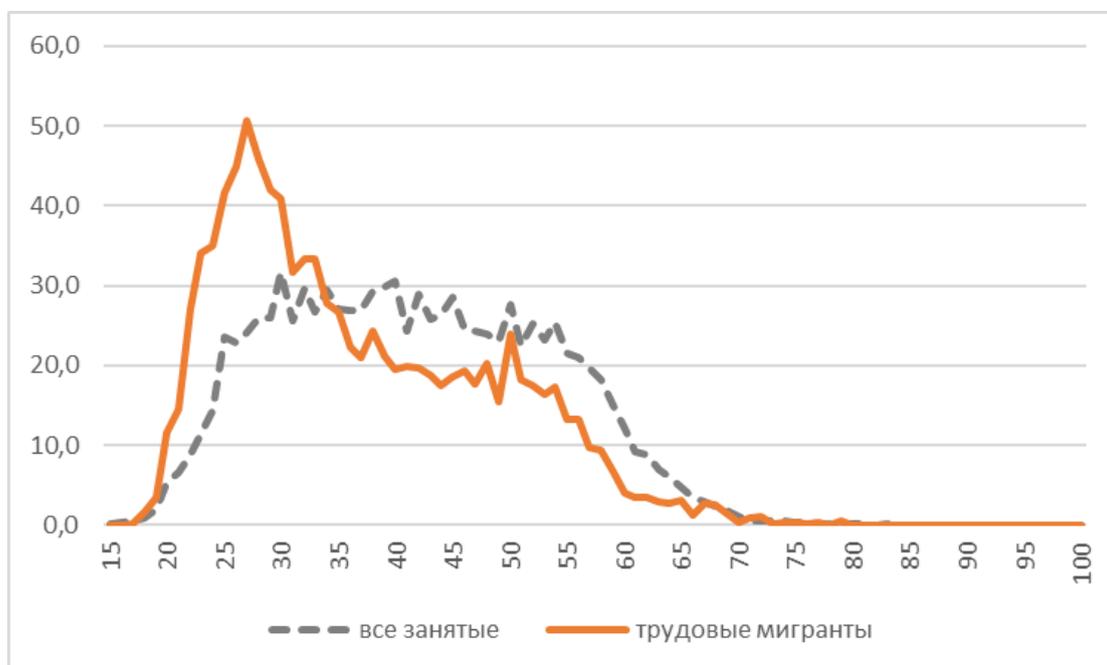
Регулярные статистические данные о внутренней трудовой миграции на регулярной основе в России получают на основе Обследований рабочей силы (ОРС, до 2016 г. – Обследований населения по проблемам занятости – ОНПЗ). Мы считаем временными трудовыми мигрантами тех участников обследования, которые посещали дом не чаще чем раз в неделю, ежедневные возвращения домой рассматриваем как случаи маятниковой трудовой миграции, то есть как иной вид пространственной мобильности.

Численность женщин – межрегиональных трудовых мигрантов в 2012–2019 гг. ежегодно составляла 262–287 тыс. человек, в 2020 г. снизилась до 247 тыс. человек. Во всем занятом женском населении доля трудовых мигрантов-женщин составляет, таким образом, 7–8%. К особенности ОРС следует отнести и то, что это обследование, по-видимому, недоучитывает занятость в домашних хозяйствах населения. Во-первых, эта деятельность чаще всего носит неформальный характер – люди не склонны отмечать ее в ходе выборочных опросов; во-вторых, занятость в частных домохозяйствах может быть чаще распространена среди женщин пенсионного возраста, основным формальным доходом которых является пенсия. Это может быть связано и с тем, что опрошенные претендуют на получение социальных пособий, выплата которых предполагает отсутствие регулярного дохода.

Во временной трудовой миграции, согласно данным ОРС, женщины участвуют реже, чем мужчины. В 2012–2020 гг. доля женщин в общем числе трудовых мигрантов варьировала от 16 до 17%. Но в отдельных возрастах участие женщин во временной трудовой миграции неодинаково: минимальная доля женщин в общем числе трудовых мигрантов отмечена в возрастах от 35 до 44 лет, максимальная – в возрастах до 24 лет и после 60. Возможно, женщины стараются работать в регионе постоянного проживания в то время, когда их дети в большей мере нуждаются в каждодневном уходе с их стороны; также это может быть связано с наиболее интенсивной мужской трудовой миграцией в возрастах наивысшей трудовой активности.

Во всех возрастах участие женщин во временной трудовой миграции существенно ниже, чем мужчин. Согласно данным ОРС, в 2012–2020 гг. в среднем временными трудовыми мигрантами являлись почти 4% мужчин и только 0,8% женщин, в возрасте 20–24 лет (еще до возраста наивысшей экономической активности) у мужчин показатель превышал 5%, у женщин был близок к 2%. На фоне всего занятого населения женщины – внутренние трудовые мигранты выделяются молодым возрастом (рис. б). Повышенная вероятность выезда на работу в другой регион у женщин – в возрастном интервале 17–32 года, в остальных возрастах она понижена. Пик вероятности трудовой миграции у женщин приходится на возраст 26 лет. Что несколько странно: именно 26 лет, в соответствии с расчетами демографов, являются средним возрастом рождения первого ребенка [10]. Трудовая миграция и рождение детей должны являться для женщин «конкурирующими событиями».

Достаточно резкий спад вероятности участия в трудовой миграции у женщин наступает после возраста 55 лет, после 60 вероятность поездок на работу в другой регион крайне низка, что неудивительно, учитывая даже не столько характер работы, а необходимость проживания вне дома и привычного окружения, зачастую с серьезными бытовыми ограничениями.

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу).

Рис. б. Занятое население и трудовые мигранты в соответствующем возрасте на 1000 всего занятого населения и трудовых мигрантов, женщины, в среднем за 2017–2020 гг.

По рассчитанному показателю среднего возраста женщины – трудовые мигранты существенно, на 5 лет, моложе всех занятых в экономике женщин, и на 1,5 года моложе трудовых мигрантов-мужчин. При этом все занятые в экономике женщины на 1 год старше мужчин.

Домохозяйства трудовых мигрантов в целом немного крупнее, чем всего занятого населения, у женщин они состоят в среднем из 3,6 человека, у мужчин – из 3,7 человека. У всего занятого населения, женщин – из 3,4 человека, у мужчин – из 3,5 человека соответственно. Домохозяйства с числом 6 человек и более были у 9,9% женщин и 9,3% мужчин-мигрантов (у всего занятого населения – 5,7% и 6,8% соответственно). По доле домохозяйств-одиночек женщины-мигранты почти не отличались от всех занятых женщин (таблица 2). По типу домохозяйств сравнения произведены быть не могут, у нас нет такой информации.

Таблица 2

Домохозяйства занятого населения и трудовых мигрантов по числу членов, 2017–2020 гг., человек

Число членов домохозяйства	Занятое население		Трудовые мигранты	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1	3,3	4,7	2,6	4,6
2	19,9	22,5	16,9	18,3
3	30,4	29,7	29,1	27,2
4	27,0	25,8	28,9	26,5
5	12,6	11,5	13,2	13,5
6	4,2	3,6	5,3	5,9
7	1,4	1,2	2,2	2,2
8	0,6	0,5	0,9	0,9
9	0,3	0,2	0,3	0,3
10 и более	0,3	0,3	0,6	0,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу)

Трудовые мигранты-женщины реже состояли в браке или союзе, чем все занятое женское население России (таблица 3). При этом среди женщин – трудовых мигрантов, несмотря на их более молодой возраст, значимо больше доля разведенных и разошедшихся. Больше среди женщин-мигрантов и никогда не состоявших в браке. Доля потерпевших неудачу на личном фронте среди женщин – трудовых мигрантов в 2,4 раза больше, чем среди мужчин-отходников.

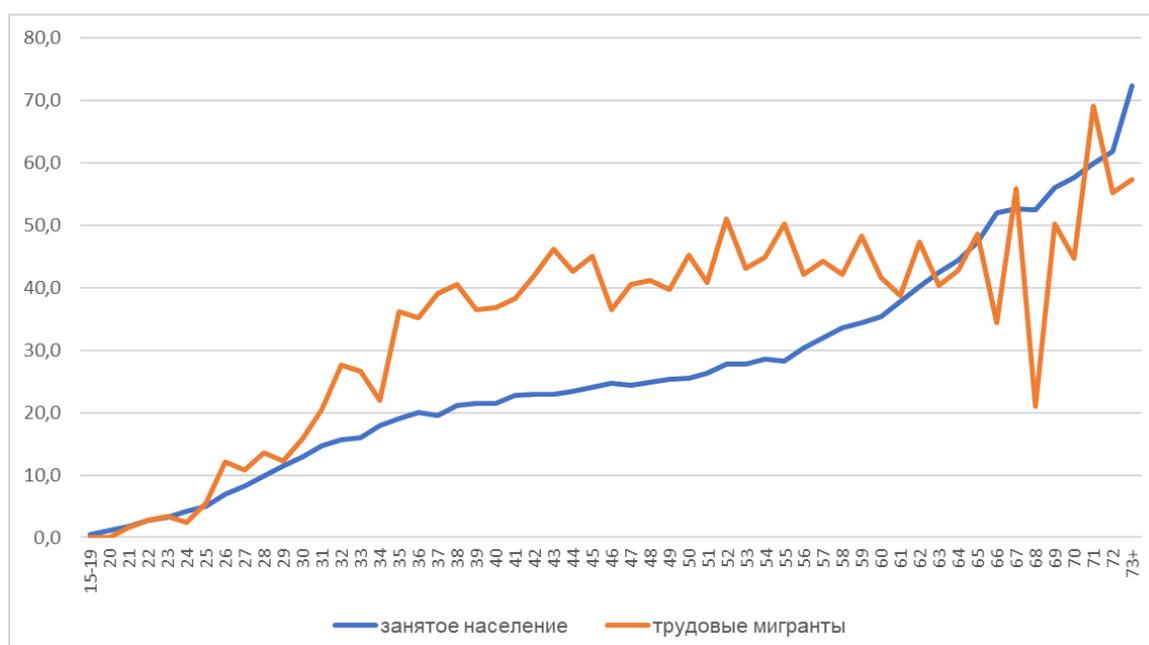
Таблица 3

Занятое население и трудовые мигранты по состоянию в браке, женщины, 2017–2020 гг., %

Состояние в браке	Занятое население	Трудовые мигранты
Состою в зарегистрированном браке	58,7	29,3
Состою в незарегистрированном браке	7,0	6,2
Вдовец, вдова	5,2	4,6
Разведены	14,3	17,6
Разошлись	2,1	4,2
Никогда не состоял(-а) в браке	12,7	38,1
Итого	100,0	100,0

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу)

Во всех возрастах, кроме 20 лет и моложе, среди женщин выше доля разведенных (разошедшихся), вдов или никогда не состоявших в браке (союзе). Трудовые мигранты-женщины выделяются высокой долей разведенных (разошедшихся) и вдов от всего занятого женского населения (рис. 7), исключая самых юных и пожилых женщин, участие которых в трудовой миграции очень невелико. Получается, что участие в трудовой миграции и неуспех в личной жизни – связанные вещи. Мы не можем на основании данных расчетов утверждать о характере данной взаимосвязи, то есть говорить, что миграция ведет к распаду союзов или наоборот. Возможно, это заслуживает темы отдельного исследования.

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу).

Рис. 7. Доля разведенных (разошедшихся) и вдов среди всего занятого населения и трудовых мигрантов, женщины, 2017–2020 гг., %

Состоящие в браке (или незарегистрированном союзе) женщины-мигранты реже совершают длительные поездки на работу. Так, среди маятниковых мигрантов, совершающих ежедневные поездки на работу, 60% состояли в браке, среди тех, кто возвращался домой каждую неделю, – 42,5%; среди тех, кто бывал дома реже 1 раза в месяц, в браке (союзе) состояли 30,5% женщин. Напротив, доля никогда не состоявших в браке женщин среди маятниковых мигрантов – 17%, среди посещавших дом реже чем раз в месяц – 43,5%.

Трудовые мигранты-женщины в среднем в 2017–2020 гг. имели, согласно данным ОРС, 0,38 ребенка в возрасте до 18 лет, мужчины – 0,67 ребенка того же возраста. В то же время у всего занятого населения число несовершеннолетних детей у женщин и мужчин было примерно равным и составляло 0,58 и 0,60 соответственно. За исключением самых юных возрастов число детей в семьях женщин – трудовых мигрантов меньше, чем в семьях мигрантов-мужчин. Среди мигрантов-женщин существенно больше никогда не состоявших в браке и не имеющих детей, чем среди мужчин (таблица 4). Вместе с тем среди женщин-мигрантов почти 16% не состоят в браках и союзах и воспитывают несовершеннолетних детей, из них почти половина в браке никогда не состояли. Среди мужчин – трудовых мигрантов, не состоящих в браках и союзах и воспитывающих детей, всего 4,6%.

Таблица 4

Трудовые мигранты по брачному состоянию и числу детей в возрасте до 18 лет, 2017–2020 гг., %

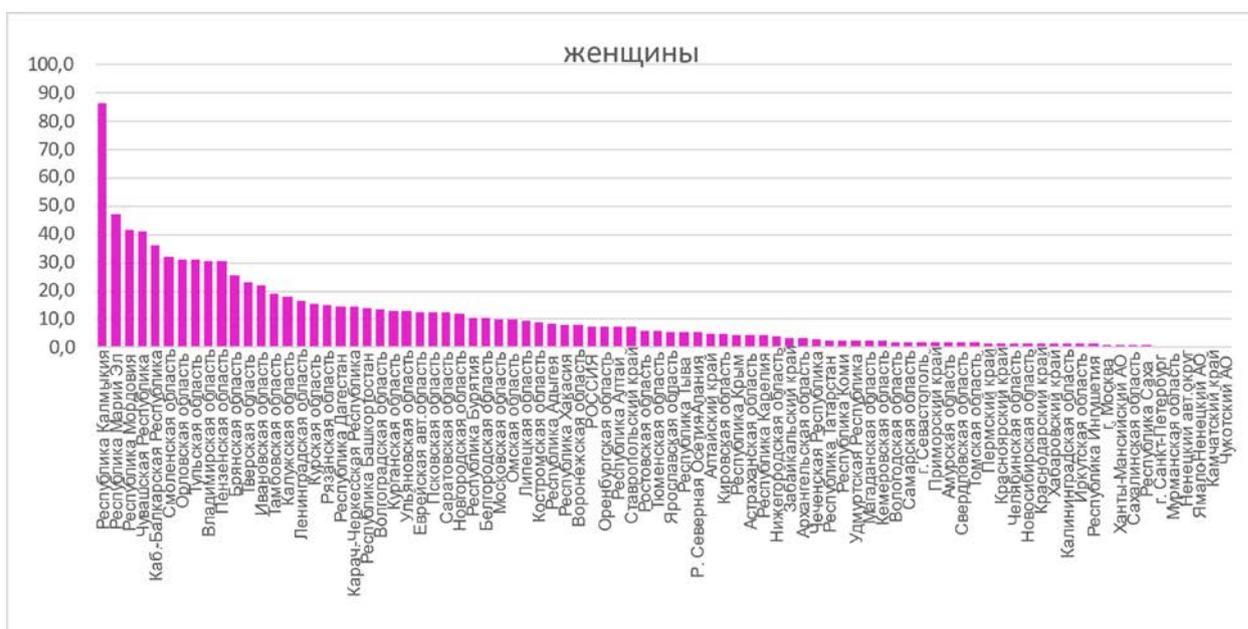
Число несовершеннолетних детей в семье	Состояние в браке					
	состою в зарегистрированном браке	состою в незарегистрированном браке	вдовец, вдова	разведены	разошлись	никогда не состоял(-а) в браке
	мужчины					
0	22,0	4,0	0,5	6,5	2,0	22,9
1	17,2	1,9	0,1	0,3	0,2	3,0
2	13,4	1,1	0,0	0,1	0,0	0,6
3	3,0	0,3	0,0	0,0	0,0	0,2
4	0,5	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
5 и более	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
	женщины					
0	18,4	4,6	3,9	11,6	2,6	30,6
1	6,8	1,0	0,6	4,7	1,2	5,9
2	3,2	0,4	0,2	1,2	0,4	1,3
3	0,7	0,1	0,0	0,1	0,0	0,2
4	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1
5 и более	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу)

Наличие у женщин-мигрантов несовершеннолетних детей, против наших ожиданий, не сильно связано с режимом поездок на работу. Так, среди женщин – маятниковых мигрантов 24,9% имели одного ребенка, 7,5% – двоих и более детей; у женщин, посещающих дом реже 1 раза в месяц, о наличии одного ребенка сообщили 20,4%, двоих детей – 8,5%. Наличие детей не является сдерживающим фактором длительных выездов на работу. На содержание детей женщины, видимо, и работают.

4. Пространственные особенности внутренней женской трудовой миграции

Самая большая интенсивность выезда на временную работу в другие регионы страны женщин – в Республике Калмыкия, где она почти достигает 8,7% всего занятого населения; далее с большим отрывом следуют Республики Марий Эл, Мордовия и Чувашия (4,1–4,7%), Кабардино-Балкарская Республика (3,6%), за ними – регионы Центральной России (рис. 8). Практически не выезжают женщины – трудовые мигранты из регионов Дальнего Востока и Севера, а также из Москвы и Санкт-Петербурга.

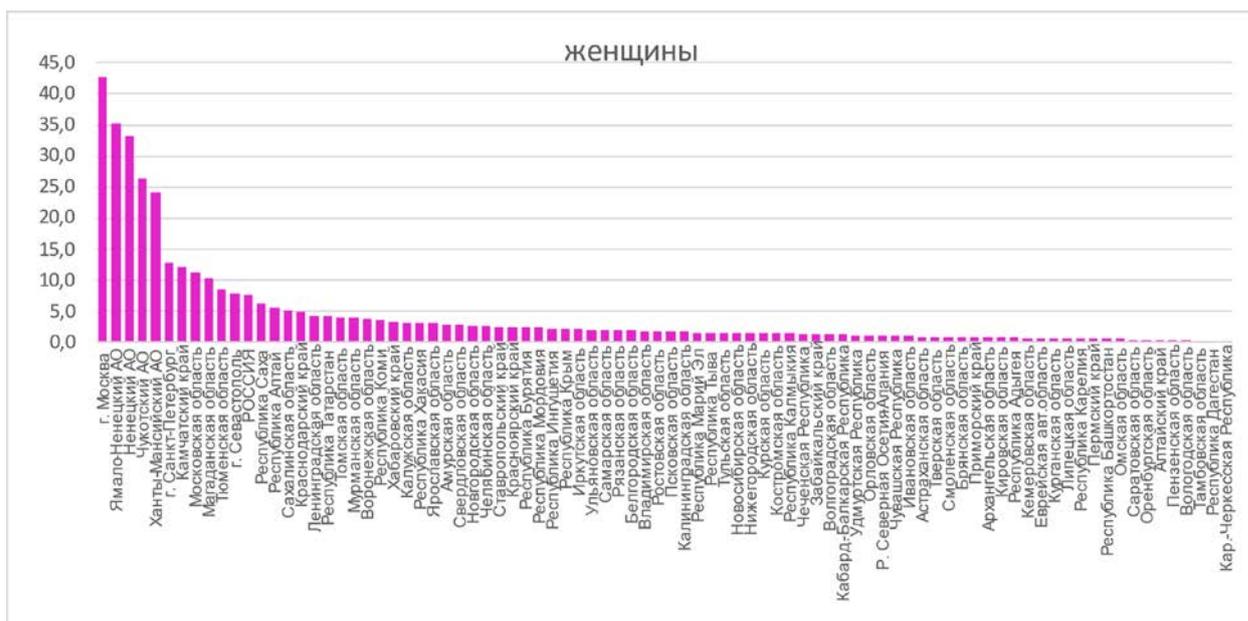

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу).

Рис. 8. Доля женщин-трудовых мигрантов в занятом населении региона постоянного проживания, 2017–2020 гг., %

Самая высокая доля женщин – трудовых мигрантов во всем занятом населении – в Москве (рис. 9), но и здесь она не очень велика (43 на 1000); далее следуют регионы Севера и Востока страны, а также Санкт-Петербург. Доля женщин-отходниц ниже 1 на 1000 в 25 регионах России. В целом женщины – трудовые мигранты чаще тяготеют к крупнейшим городам, чем мигранты-мужчины.

В Москву ежегодно в 2017–2020 гг. выезжали на работу 153 тыс. женщин – внутренних трудовых мигрантов, это составляет 57% всех межрегиональных трудовых мигрантов-женщин. С большим отрывом за Москвой следовали Московская область – 22,3 тыс., Санкт-Петербург – 19,4 тыс., Ханты-Мансийский АО – 10,4 тыс., Краснодарский край – 6,4 тыс. человек.

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу).

Рис. 9. Доля трудовых мигрантов-женщин в занятом населении региона работы, 2017–2020 гг., %

Межрегиональный переток трудовых мигрантов-женщин прежде всего ориентирован на Москву. Поэтому женщины перераспределяются прежде всего в Центральный федеральный округ. Более половины перетока женщин – трудовых мигрантов в Москву обеспечивают регионы Центрального округа (это без учета маятниковой миграции из Московской области, откуда на работу в Москву в основном ездят в ежедневном режиме). При этом часть районов Московской области – крайний Запад и Юго-Восток – не входят в состав Московской агломерации и могут поставлять в столицу временных трудовых мигрантов наряду с соседними с Московской областью регионами Центральной России.

В межрегиональном перетоке трудовых мигрантов-женщин выделим поток в Москву из Московской области – 18,9 тыс. (в среднем за 2017–2020 гг.), из Тульской – 9,8 тыс., Владимирской области – 9,1 тыс., из Республики Чувашия – 8,9 тыс., из

Пензенской области – 7,0 тыс. человек. В Санкт-Петербург ежегодно выезжают на работу 7,4 тыс. жительниц Ленинградской области, далее, с серьезным отрывом, следовали Псковская и Новгородская области. Периодичность поездок на работу и возвращений домой отходников (мужчин и женщин) практически не различается.

5. Сферы занятости, занятия и профессиональный состав женщин – внутренних трудовых мигрантов

Распределение трудовых мигрантов-женщин в некоторой степени отличается от всего занятого населения (таблица 5). Подавляющее большинство женщин – внутренних трудовых мигрантов, согласно данным ОРС, заняты на предприятиях и в организациях, несколько выше занятость женщин по найму у физических лиц и ИП. Сюда попадают такие работы, как няни, сиделки, помощники по хозяйству, эта занятость распространена практически всегда в частных домохозяйствах, хотя часть работников могут быть заняты в фирмах и на предприятиях, чья деятельность связана с предоставлением этих услуг.

Таблица 5

Распределение всех занятых женщин и женщин – временных трудовых мигрантов по месту работы, в среднем за 2017–2020 гг., %

Место работы	Все занятое население	Трудовые мигранты
На предприятии, в организации со статусом юридического лица	82,8	79,3
В сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица, на индивидуальной основе	3,9	1,4
По найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве	11,7	17,6
В собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи	1,6	1,8

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу)

Среди временных трудовых мигрантов-женщин еще большая доля, чем среди всего занятого населения, – наемные работники – 96,7% против 94,3% соответственно. Работодателей и работающих «на себя» среди них исчезающе мало.

Основные занятия женщин – трудовых мигранток связаны со сферой обслуживания и торговли (прежде всего работники сферы индивидуальных услуг и продавцы). Кроме того, трудовых мигрантов-женщин почти столько же, сколько немигрантов, среди специалистов среднего уровня квалификации, немало их и среди работников высшей квалификации и руководителей.

В центрах крупнейших агломераций – Москве и Санкт-Петербурге – среди трудовых мигрантов резко повышена занятость в сфере обслуживания и торговли, охране (таблица 6). При этом женщины-мигранты также заняты трудом высшей и средней квалификации, а в Москве их доля преобладает над требующей не самой высокой квалификации занятости в торговле и услугах – 40%, в Санкт-Петербурге – более 50%. В

ресурсодобывающих регионах женщин больше всего в сфере обслуживания и торговле, а также среди специалистов высшей и средней квалификации, но не столько, сколько в Москве и Санкт-Петербурге.

Таблица 6

Трудовые мигранты-женщины в отдельных регионах по группам занятий, 2017–2020 гг., %

	Москва	Санкт-Петербург	ХМАО и ЯНАО
Руководители	3,6	6,3	3,2
Специалисты высшего уровня квалификации	23,9	32,7	16,8
Специалисты среднего уровня квалификации	16,0	20,7	11,0
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	4,4	5,8	3,0
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	35,8	24,8	39,5
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	0,1	0,1	0,3
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	4,8	3,8	6,1
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	2,3	1,3	6,8
Неквалифицированные рабочие	9,2	4,5	13,2

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу)

По доле лиц с высшим и послевузовским, а также средним профессиональным образованием женщины – трудовые мигранты практически не отличаются от всех занятых женщин, среди них только незначительно больше доля не имеющих профессионального образования (возможно, в силу сравнительно более молодого возраста). Женщины – трудовые мигранты не только более образованны, чем мужчины, они чаще занимают руководящие должности или должности специалистов.

Относительно всех занятых временные трудовые мигранты выделяются более частой занятостью в строительстве, добыче полезных ископаемых, административной деятельности и сопутствующих услугах, сфере транспортировки и хранения (таблица 7). Занятость женщин – трудовых мигрантов также широко представлена в торговле, где занята каждая четвертая отходница. В отличие от трудовых мигрантов-мужчин женщин почти столько же, сколько всего занятого населения, в сфере здравоохранения, а также в сферах операций с недвижимым имуществом и финансовой деятельности.

Таблица 7

Распределение всех занятых и временных трудовых мигрантов по видам деятельности, в среднем за 2017–2020 гг., %

Виды экономической деятельности	Все занятое население		Трудовые мигранты	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	8,1	4,1	1,9	3,0
Добыча полезных ископаемых	3,1	0,8	17,0	3,0
Обрабатывающие производства	17,7	11,1	6,0	7,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	4,0	1,4	1,6	0,9
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,0	0,5	0,5	0,5
Строительство	10,8	1,8	34,4	6,4
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	12,0	19,9	5,7	24,7
Транспортировка и хранение	13,0	4,0	12,7	6,9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,4	3,8	0,8	7,9
Деятельность в области информации и связи	2,3	1,3	0,7	1,4
Деятельность финансовая и страховая	1,4	3,2	0,5	3,2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1,9	1,6	0,8	1,7
Деятельность профессиональная, научная и техническая	3,1	3,5	1,6	3,6
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,7	1,7	10,2	4,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	8,3	6,1	3,3	3,3
Образование	3,5	16,2	0,8	5,5
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,3	12,9	0,8	11,4
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1,3	2,6	0,4	1,7
Предоставление прочих видов услуг	1,3	3,7	0,3	2,2
Деятельность домашних хозяйств как работодателей, недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств	0,0	0,0	0,0	0,2
Деятельность экстерриториальных органов и организаций	0,0	0,0	0,0	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Обследования рабочей силы (данные, полученные по запросу)

Сравнительный анализ трудовых мигрантов и всего занятого населения по полученным ими профессиям и специальностям показывает, что большую склонность к трудовой миграции (или востребованными в нишах «мигрантского труда») демонстрируют владеющие такими специальностями, как сельское хозяйство и сельскохо-

зяйственные науки, инженерное дело, технологии и технические науки, но это в основном профессии, которые получали мужчины. Женщины – трудовые мигранты чаще получали специальности в области гуманитарных наук и наук об обществе, а также в области здравоохранения и медицины.

Согласно данным ОРС, «нормальная продолжительность рабочей недели» среди внутренних трудовых мигрантов в целом и женщин в частности чаще составляла 40 часов и более – 2,1% и 1,4% против 0,8% и 0,5% среди всего занятого населения соответственно. То есть номинально регулярные переработки распространены среди российских работников мало. Однако о фактической продолжительности рабочей недели дольше 40 часов сообщали в ходе обследования 16,4% трудовых мигрантов и 8,5% женщин против 5,7% и 3,9% среди всего занятого населения соответственно. Таким образом, переработки среди трудовых мигрантов более распространены, чем среди всего населения, это же показали и данные нашего прошлого исследования на данных о трудовой миграции начала 2010-х гг.

Согласно данным ОРС, среди трудовых мигрантов существенно более распространена по сравнению со всем занятым населением работа в неформальном секторе экономики – 18,7% всех мигрантов и 21,5% женщин заняты в ней против 11,9% и 9,7% всего занятого населения. Возможно, это следствие более частой занятости в частных домохозяйствах среди трудовых мигрантов и трудовых мигрантов-женщин.

Заключение

Проведенный анализ статистических данных по иностранной трудовой миграции женщин в сравнении с трудовой миграцией мужчин довольно ясно показывает, что даже с помощью специально запрошенных ведомственных данных получить полноценное представление о такой миграции невозможно. Мы не можем ничего сказать о брачном и семейном положении женщин – иностранных мигранток, о сферах их занятости, о распределении по регионам России. Тем не менее проделанная работа показала примерное соотношение мужской и женской составляющей трудовой миграции в РФ как 4 к 1 и позволила количественно оценить контингент женщин – международных трудовых мигрантов в России примерно в 1 млн человек в среднем за год.

Женщины – иностранные мигранты старше мигрантов-мужчин (в отличие от внутренних мигрантов, где наблюдается противоположная картина). При этом для мигрантов обоих полов все равно преобладающей является доля самой молодой возрастной группы (до 30 лет), однако разрыв между этой возрастной группой и двумя более старшими (30–39 лет и 40–49 лет) двумя следующими у женщин заметно меньше, чем у мужчин. Повозрастной анализ также показал, что для наиболее объективной оценки численности трудовых мигрантов необходимо использовать как статистику работающих по разрешительным документам, так и без них (общее число иностранных граждан, состоящих на миграционном учете с целью «работа по найму»).

Среди стран – доноров трудовой миграции женщин, как и мужчин, лидируют исключительно страны СНГ, однако только в трех из них доля женщин в потоке превышает 30% (Киргизия, Украина и Молдова). В основных странах – источниках трудовой миграции в РФ – Узбекистане и Таджикистане – доля женской миграции в общем потоке невелика – около 12–13%.

Спецификой социально-демографического «портрета» женщин – внутренних трудовых мигрантов является их более молодой (ниже, чем у мужчин-отходников) возраст, и вместе с тем среди них гораздо больше не состоящих в браках или союзах, в том числе разведенных и вдов. Развод или смерть супруга являются триггером выезда на работу в другой регион (возможно, для того, чтобы в одиночку содержать семью). С другой стороны, для многих женщин вступление в брак часто препятствует выездной работе. При этом у женщин – трудовых мигрантов меньше, чем у немигран-

тов или мигрантов-мужчин, несовершеннолетних детей. Особенности женской межрегиональной трудовой миграции на данных ОНПЗ начала 2010-х гг. [11] во многом подтверждаются выводами настоящего исследования.

При своей относительной немногочисленности в общем числе внутренних трудовых мигрантов, женщины представлены во всех регионах России, с явно большим тяготением к крупнейшим агломерациям, чем мужчины. Это связано, как нам представляется, со спецификой хозяйственно-экономической специализации регионов: в крупнейших городах превалирует занятость в третичном секторе, где женский труд более востребован. Поездки в столицы осуществляются из сравнительно близких регионов, с ритмом, позволяющим часто посещать дом и оставшихся в нем родных. В отличие от мужчин женщины-мигранты более образованны и чаще заняты на работах, требующих высокой квалификации.

Возможно, сравнительно с мужчинами незначительное участие в трудовой миграции женщин может объясняться их большей ориентацией на высококвалифицированный труд. Как показало одно из наших предыдущих исследований [9], высококвалифицированные работники в крупных городах имеют гораздо больше возможностей решить жилищную проблему, чем работники низкой и средней квалификации. Поэтому высококвалифицированные работники чаще участвуют в долговременной миграции либо быстро переходят из категории временных мигрантов в долговременные. Но этот безусловно важный вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

К сожалению, использованные в анализе данные ОРС дают крайне слабое и неполное представление о занятости межрегиональных трудовых мигрантов в частных домохозяйствах. Полагаем, что недоучет внутрироссийских трудовых мигрантов, занятых в частных домохозяйствах, составляет существенную компоненту недоучета временной трудовой миграции в обследованиях Росстата. Возможно, трудовые мигранты, занятые здесь, в обследованиях проходят как безработные или отнесены к группам населения, не активным на рынке труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Castles S., Miller J. The age of migration. International population movements in the modern world. London, 1993.
2. Sassen S. Transnational economies and national migration policies. Institute for Migration and Ethnic Studies, University of Amsterdam, 1996.
3. Gershuny J, & Miles, I. The new service economy. The transformation of employment in industrial societies. N.Y.: Praeger, 1983.
4. Малышева М., Тюрюканова Е. Женщины в международной трудовой миграции // Народонаселение. 2000. №2. С. 91–101.
5. ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology. 2nd edition. ILO, Geneva. 2018.
6. Женщины – мигранты из стран СНГ в России. Под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс. 2011.
7. Малышева М., Тюрюканова Е. Женщина. Миграция. Государство. М.: Academia, 2001.
8. Социально-экономическое положение России – 2021 г. Январь. Росстат. 2021 г. [Электронный ресурс] – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm. Д (дата обращения 1 сентября 2021 г.).
9. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1. С. 186–193.
10. Население России 2017. Двадцать пятый ежегодный демографический доклад // Отв. ред. С. В. Захаров. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019.
11. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2015.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ